

с Иденом, вышел за эти пределы. Поэтому 2 апреля он получил нагоняй от наркома за превышение своих полномочий. Молотов писал: «Вы поступили неправильно, изложив Черчиллю свое личное мнение насчет необходимости создания комиссии во главе с Иденом для изыскания возможности компенсировать поставки по северному пути. Посол должен обращаться со своим личным мнением к своему правительству, а не к чужому правительству. Я Вас прошу прекратить практику демонстрирования “личного мнения”. Никто из послов не позволяет себе таких вольностей»⁶².

Весной 1943 г. Катынское дело взорвало советско-польские отношения. Майскому пришлось много заниматься этой проблемой. В своих контактах с польским эмигрантским правительством и британскими министрами он, конечно, отстаивал советскую версию происшедших событий. Но в своем донесении в НКВД 24 апреля в осторожной форме констатировал: «Осталось впечатление, что настоящей стопроцентной уверенности в нашей невинности у Черчилля нет»⁶³. Керр, в свою очередь, записал: «... сама ярость и неубедительные опровержения со стороны русских указывают на чувство вины»⁶⁴.

25 апреля 1943 г. Советское правительство разорвало дипломатические отношения с польским эмигрантским правительством, несмотря на все попытки Черчилля и Рузвельта помешать этому.

В мае 1943 г. в Вашингтоне на англо-американской конференции «Трайидент» было решено осуществить вторжение во Францию в мае 1944 года. Раздраженный этим сепаратным сговором Сталин направил резкие по содержанию послания Рузвельту и Черчиллю. 11 июня он писал президенту США: «Открытие второго фронта в Западной Европе, уже отложенное с 1942 на 1943 год, снова откладывается, на этот раз на весну 1944. Нужно ли говорить о том, какое тяжелое и отрицательное впечатление в Советском Союзе — в народе и в армии — произведет это новое откладывание второго фронта»⁶⁵.

Послание Сталина Черчиллю от 24 июня было еще более жестким. В нем, перечислив обещания премьера касательно открытия второго фронта, он обвинял его в нарушении принятых обязательств⁶⁶. Это послание произвело тяжелое впечатление на Черчилля. 3 июля после встречи с премьером Майский записал его слова, переданные телеграммой в Москву: «Когда Черчилль давал товарищу Сталину свои обещания, он вполне искреннее верил в возможность их осуществления. Не было никакого сознательного втирания очков...»⁶⁷ Черчилль намеревался не отвечать на послание Сталина и вообще прекратить личную переписку. Об этом он говорил Майскому и писал Керру. Но оба посла смогли убедить его не делать этого. В июле 1943 г. переписка двух лидеров была возобновлена.

25 июня Майский получил телеграмму из Москвы о своем отзыве с поста посла СССР в Англии. Это решение произвело в Лондоне впечатление «разорвавшейся бомбы». Удивлен был сам Майский, удивлен был Литвинов, хорошо понимавший отличие своего статуса от статуса Майского. Литвинов записал в «Дневнике»: «Ошеломлен сообщением о замене Майского Гусевым. Вот уж действительно не ожидал»⁶⁸. Сам Литвинов будет отозван в августе 1943 года.

Официальная версия, озвученная Сталиным в разговоре с новым послом в Великобритании, гласила: «Нам нужно отозвать посла Майско-